

Анастасия Разумовская

В смысле: Белоснежка?!

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Р17

Разумовская А.

Р17 В смысле: Белоснежка?! / Анастасия Разумовская. – М.: Литнет, 2026. – 272 с.

ISBN 978-5-524-00052-1

Я попала в сказку о Белоснежке. Никогда её не любила, ни черноволосую девочку с невинной мордашкой, ни саму сказку. И уж тем более, не мечтала стать Злой королевой-мачехой. Вот уж попадос так попадос! Но, может, мне что-то удастся изменить? Отпустите меня, дяденька-король! У меня дома дочка одна...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00052-1

© Литнет, 2026

© Разумовская А., 2026

Глава 1. Вот так попала!

Чёрт... Как трещит голова! Кто же так напивается на Новый год? Зачем мешать водку с шампанским? А-а-а!

– Она дохлая, Ваше Величество, – чей-то бодрый, неприятный голос вонзается мне в уши.

Я стою... стою... сто... Чёрт! Не до правил русского языка сейчас. Короче, издаю протяжный жалобный звук, свидетельствующий об обратном, и открываю глаза.

Небо. Яркоголубое. Без электропроводов. Дрожащие под тяжестью снега еловые лапы. И коростель, с любопытством взирающий на меня чёрным глазом.

Коростель? Я что знаю, как выглядит коростель?

Кряхчу и приподнимаюсь. Где я вообще? Откуда толстенные ели? Где шум мчащихся автомобилей?

– Ты не прав, Бертран, – раздаётся насмешливый, низкий, вибрирующий мужской голос. Из тех, от чьих низких частот так млеют девичьи сердца. – Она, по-видимому, жива. Ну, если, конечно, не мертвые.

– Может всё-таки мертвые? И её того... колом? – сомневается первый. Неприятный.

– Кого колом? – спрашиваю, не узнавая свой голос: сиплый, как при ангине.

– Не надо меня колом...

– Вот! Я же говорю: мертвые. Голос явно неженский...

А я даже возразить не могу. Потому что... Нет, что тут вообще происходит за нахрен?!

Во-первых, лес. А для меня даже Парголово – дикий и непознанный край. Мурино, Девяткино – вообще за краем земли. Работа на дому позволяет практически не покидать уютную квартиру на Васильевском острове. Да я и в магазины-то последние пару лет

почти не хожу! Не скажу, что вот прям не люблю природу. Люблю. В Альпах, например. Но больше во фьордах Скандинавии. Нет, я патриот так-то, но предпочитаю любить родину за глаза. Лицом к лицу, как говорится, лица не увидеть...

Тогда... почему я в лесу? Ну ладно, напилась на праздник, вышла из дома, села в электричку и поехала куда глаза глядят – с кем не бывает. Положим. Но... не со мной.

Я не пью. Вот совсем не пью. Ненавижу алкоголь. И тому есть причины.

Во-вторых... Лошади. Разноцветные. Фыркающие густым паром. Встряхивающие огромными башками, покрытыми длинными гривами. Они скалят зубы с таким видом, как будто считают себя хищниками, а не травоядными. Мамочки... Я, конечно, в курсе, что лошади не кошки. То есть, они выше, и в целом габаритнее. Но... Вот это – оно, что ли? Зверюги какие... рослые!

А на милых лошадках верхом – мужики. Много-много мужиков. В камзолах, в коротких, подбитых мехом, плащах. В беретах, сверкающих пряжками и перьями. В коротких, пухлых штанишках, похожих на пышные шортики, надетые поверх лосин. И... и со шпагами! Точно! Вот у этого, что стоит от меня в двух шагах, единственного не конного, определённо на боку торчит шпага. А у других ещё и арбалеты в руках. Я узнаю оружие, потому что люблю романтические фильмы. «Три орешка для Золушки» и вот это всё...

Так, понятно. Я сплю.

– Бертран, – возражает тот, второй, – не неси чушь.

Теперь я вижу и его. Он высок и статен. Темноволос. Красив. Той смазливо-мужественной красотой, которую я так ненавижу в представителях противоположного пола. Лет за тридцать ему точно, скорее под сорок... не знаю. Наряд сверкает вышивкой, а на голове... корона.

Так-так, Майя, я всё поняла. Всё это просто сон. Ну конечно!

– Не пугайтесь нас, милая девушка, – говорит «король» (ведь король же, да? Раз на голове – зубчатый золотой обруч?). – Вы, может, попали в беду, и вам нужна помощь?

– Да нет, – отвечаю, – я сейчас проснусь, и всё будет хорошо. Но отчего так зябко? Меня прям трясёт от холода...

Оглядываю себя и вижу: я – в платье. В красивом таком голубом платьишке. С декольте, из которого виднеется приподнятая корсетом грудь.

Аппетитная и... Брр. Ну и... всё. Весь моя «зимний» наряд. Поднимаю подол длинного средневекового платья и потрясённо смотрю на шёлковые туфельки-лодочки.

Капец... Приплыли. Ноги цвета голеней советских куриц... Сама не видела, но бабушка живописно рассказывала. И мурашки такие огромные, что их скорее таракашками можно назвать...

Майя, просыпайся! Так замерзать даже во сне вредно для здоровья! Поднимаю платье повыше и щипаю себя за бедро.

Больно.

Невольно вскрикнув, поднимаю глаза и сталкиваюсь со взглядом голубых королевских глаз. Ошалевшим и потрясённым таким взглядом. Мужчина не отводит его от моих коленок и шумно сглаживает. Смущаюсь, скромно опускаю подол и взгляд.

Здесь все женщины, что ли, вымерли, если такая реакция на синюшные ножки?

– Ничё так, – произносит тот, другой, с неприятным сиплым голосом. – Ваше Величество, может, всё-таки колом?

Я оглядываюсь на него. Наглое лицо под шапкой кудрявых, как у овечки, волос. Рыжих, такого тёмного, почти коричнево-красного оттенка, который заставил меня вспомнить про услуги стилиста. Парень что, красит их?

Зелёные, немного раскосые, смеющиеся глаза. Нахалу лет двадцать пять или около того, наверное. Высокий, широкоплечий, в винно-красном камзоле и буром плаще под цвет «шортиков». Смотрит прямо, взгляд жаркий, пошлый. Поймав мой, подмигивает.

Я вздрогнула. Ненавижу такие взгляды и таких дерзких мужчин!

– Заткнись, Бертран, – чуть не плюётся король. – Как вас зовут, прекрасная дева?

– Майя, – отвечаю, неловко делая реверанс и чуть не заваливаясь в сугроб.

Получается «М-м-ма-айя», потому что зубы клацают, как у голодного волка. Меня трясёт от холода.

Король подъезжает ко мне, спрыгивает, снимает с руки отороченную мехом грубую рукавицу. Голубые глаза встревоженно заглядывают в моё лицо.

– Как вы прекрасны! – шепчет он, и мороз сворачивает слова паром.

– И почти мертвы, – ворчит Бертран, – что тоже прекрасно.

– Разрешите, мы проводим вас? – не обращая внимания на нахала, интересуется король. – Где вы живёте?

– Й-а? Я не з-з-знаю...

Дурацкий ответ, но мне кажется, что даже мысли мои смёрзлись.

– Ещё пара вопросов и кол не понадобится, – замечает Бертран, ни на кого не глядя.

Однако король его услышал, видимо. Он спешился, скинул плащ, обернул меня, посадил на скакуна, а затем запрыгнул позади и прижал к себе.

– Возвращаемся! – повелел зычным голосом.

Жмусь к нему. Потому что боюсь храпящего зверюгу. И потому что мужчина такой тёплый...

– Мы же только выехали! – бесится Бертран. – Ваше Величество, может, вашей спутнице понравится охота? Согреется заодно...

Но бесится он уже где-то позади: король властно и уверенно скачет вперёд. Или назад. Это как посмотреть.

«Это бред! Это бред! – вопит мой рассудок. – Какое, нахрен, величество? Какая охота?» Но моё сознание заталкивает разум в дальний чулан, закрывает дверцу и, злорадно хихикая, вешает пудовый замок. Иначе я свихнусь с ума. «Я подумаю об этом завтра», – решаю я.

В плаще с меховой подкладкой становится тепло, а затем жарко. Мне кажется, я таю. Истома наползает, и я проваливаюсь в сон.

– Она полезет на верхнюю полку, и шкаф непременно рухнет! – сурово отчитываю я сборщика мебели. – Вы должны его закрепить.

Тот чешет щетину и мрачно смотрит на меня.

– Тариф такого не предусматривает. И вообще, в инструкции...

– Мне плевать на ваши инструкции! – шиплю. – Давайте я вам заплачу.

Просто две дырки в стене...

– В бетонной стене, – замечает он.

– Две дырки, что разве так сложно? А я вам хороший отзыв напишу. Вас как зовут?

– Максим.

– Ну вот, Максим. Я пять звёздочек поставлю и отзыв напишу. И сто рублей сверху.

– Пятьсот.

– Что?! Да вы... вы вообще охренели?! За две дырки пятьсот рублей!

– Точно. Их же две. Тысячу.

Мы спорим до хрипоты, но шёпотом. Потому что в соседней комнате спит Анечка.

– За сто рублей пусть муж делает, – издевается Максим.

– Муж в командировке, – злобно отвечаю я, не краснея – давно привыкла.

Сборщик снова ухмыляется. Блин, надо хоть мужские тапочки положить для правдоподобности... Хотя... кому какое дело?! Я ещё только перед грузчиками не оправдывалась!

– Мы можем другие варианты оплаты рассмотреть, – парень, воодушевлённый собственным открытием и переходом на личные темы, упирается локтем в проём двери. Широкоплечий, нахальный... красивый, зараза. Тот самый мужской типаж, который я ненавижу лютой ненавистью. Наглый и уверенный в собственной неотразимости.

Я сглатываю. Ноги леденеют от ужаса. Четыре года терапии, а толку – ноль.

– Пятьсот. И ни рубля больше, – цежу сквозь зубы. – А будете намекать на мерзость всякую, и я такой отзыв накатаю! Вам не понравится.

Он откровенно ржёт:

– Да что вы, дамочка! Ни на что я не намекал. Я имел в виду, что можно не только рублями расплатиться. Ну там... долларами, например, если у вас рублей нет.

Я сумрачно молчу. Не то, чтобы мне так было жаль пятьсот рублей, но... Две дырки! Две... маленьких дырочки...

Через полчаса его работы я уже злорадно улыбаюсь. Бетонная стена оказывается на редкость прочной, и мужик весь краснеет. Всей своей могучей шеей, сейчас напряжённой и багровой. И ушами, пламенеющими, как фонари проститутки.

Ну, теперь я согласна и на пятьсот, ладно...

Покачивающее меня движение вдруг замерло, и я открыла глаза, не сразу разобравшись, где нахожусь.

Передо мной высился старинный замок, диснеевский какой-то, нереальный. Ну или из того бреда баварского короля, который вообще не был предназначен для обороны и защиты, но очень украшает теперь открытки... Подо мной с копыта на копыто переступает лошадь...

Стоп-стоп-стоп! Подождите! Как же так?! У меня дочка дома! Ей три годика, она... Нет-нет-нет! Верните меня обратно!

Я задыхаюсь от ужаса. В прямом смысле задыхаюсь. Рука шарит по бедру в поисках кармана или косметички, в которой я ношу лекарство на этот случай. Но ничего нет... Я кашляю, пытаюсь выпихнуть из горла невидимый ком, мешающий вдохнуть.

– Папа! – вдруг звонкий, словно колокольчик, голосок прорезает конское ржание и звяканье шпага и шпор. – Папочка!

И странным образом на меня это действует исцеляюще. Нервический спазм прекращается. Я выпрямлюсь в седле и смотрю на очень

красивую темноволосую девочку-подростка в голубом, развевающимся от бега, платье. Она несётся вниз по широкой каменной лестнице и тянет к отцу белые, цвета молока, тонкие ручки.

– Папочка!

Король бежит к ней навстречу, подхватывает на руки, кружит. Девчонка заливается немного повизгивающим смехом, раскидывает ручонки и летит-летит... Я чувствую, как на глазах закипают слёзы. У моей Анечки никогда не будет так... Никогда. Она сейчас совсем маленькая. Ей хорошо с мамой, и папа, кажется, ещё не так нужен, но потом...

По щекам бегут слёзы. Я поспешно вытираю их.

Так, Майя! Соберись. Не время паниковать и страдать. Надо как-то вбираться отсюда. Там, дома, Анечка. И нельзя, чтобы она осталась не только без папы, но и без мамы... Вот только бы понять ещё, где это – «отсюда» находится... Из чуланчика рванул рассудок, но сознание подпёрло дверцу палочкой.

Красноволосый Бертран подошёл и протянул мне руку. Ему, видимо, не очень нравилось, что миссия спустить меня с лошади досталась ему. Он кривил пухлые, ярко-малиновые губы. Мне тоже не нравилось, но я заметила, что слуги уводят лошадей. Видимо, в конюшни. Надо было освобождать транспорт.

Я подала руку и попыталась сойти. Вот только «педаль» у стремян оказалась только одна, и я полетела вниз. Нахал успел меня подхватить. На минуту вжал в себя, и моя грудь соприкоснулась с его.

– М-м, – протянул он, уставившись на два нежно-розовых, согревшихся под плащом, полушария. – Они изменили цвет!

Я отпрянула, поправила платье, гордо запахла в королевский плащ и вскинула голову.

Меня всё ещё потряхивало от бесстыдных мужских объятий, когда король обернулся и, прямо так, с дочерью на руках, подошёл ко мне. Девочка упорно и пристально смотрела на меня ярко-синими глазами. Линзы, что ли? Никогда в жизни не видела настолько

прекрасного ребёнка! Маленький носик, белая-белая кожа с лёгким румянцем, алые губки, в меру пухленькие, чёрные, шелковистые локоны... Ангел, а не девочка!

— Белоснежка, познакомься с новой мамой, — внезапно радостно объявил король.

Я невольно оглянулась, а затем поняла, что он говорит обо мне.

— Что?

— Милая-милая Майя, вы же не откажетесь выйти за меня замуж? Что?!

— Что? — губы девочки задрожали. — Папа?

Но король смотрел только на меня. И взгляд его голубых глаз мне не понравился. Очень-очень не понравился. А ещё то, как тяжело он дышит и как раздуваются крылья его породистого носа. Такие люди не умеют принимать отказов. Такие люди вообще не знают, что такое «отказ». Что за глупое, лишённое смысла словечко! Ну, конечно, если оно обращено к ним.

— Попадос, — уныло заметил за мной сиплый голос Бертрана. И в этом я согласна с красноволосым хамом.

Примечания от автора

*коростель — это, конечно, не был коростель, они довольно теплолюбивы

Парголово — дикий и непознанный край. Мурино, Девяткино — вообще за краем земли. Работа на дому позволяет практически не покидать уютную квартиру на Васильевском острове — это всё места, так или иначе связанные с Санкт-Петербургом. Васильевский — центр, остальное — на севере города